

На обочине

194

– ЕСЛИ любишь сына, без поллитры не возвращайся! Смотри у меня!

От тяжести кулака, с невероятной силой опустившегося ей на грудь, Лейсира покачулась и правым плечом больно ударилась о дверь.

– Он же и твой сын! – Слетевшие с её дрожащих губ отчаянные слова беззащитно повисли в воздухе. Обитая дерматином деревянная дверь со скрежетом захлопнулась за ней.

Чёрная как смоль ночь приняла бедную женщину в свои недобрые стылые объятия.

Не соображая, куда направляется, она сначала шла посередине улицы, освещённой кое-где светом, падающим из окон домов, а потом побрела по обочине дороги...

Деревня закончилась. Темнота, казалось, стала ещё гуще. Куда она идёт? Лейсира и сама не знала. В её ушах звучали слова мужа Фидайла: «Смотри у меня! Без поллитры не возвращайся!»

Сделав ещё пару шагов, Лейсира ударилась о какой-то железный столб. А-а-а, это же указатель деревни – вон, даже в ночной темноте угадывается надпись «Светлая Река», перечёркнутая косой линией, что означает конец деревни. Только красного цвета перечёркивания в темноте не разобрать...

* * *

Захлопнув с силой дверь, Фидайль окинул беглым взглядом комнату и приступил к поискам. У него была привычка запасать своё пошло в маленьких бутылочках на случай, если будет потом страдать с похмелья. А похмелье – штука настолько ужасная, что от невыносимой головной боли ты готов разбить свой черепок о стену...

Фидайль посмотрел под матрасом, затем, сунув руку через дверцу серванта с выбитым стеклом, потряс фарфоровый чайник с отбитым краем, обшарил карманы одежды, висевшей в шифоньере, даже проверил валяные чуни, висевшие парами на стене в чулане.

Возбуждённый в беспорядочном поиске, он вдруг увидел под столом, накрытым обветшавшей скатертью, съевшегося и трясущегося от ужаса сына.

Вложив в голос всю накопившуюся злобу, мужчина рывкнул, угрожающе устремив палец в его сторону:

– Чтобы ни звука, пока мать не придёт! – И попытался пнуть сына. Мальчик ещё более сжался и, словно ища опоры, вцепился в ножку стола и зажмурился.

– Ещё чужого ребёнка расти тут! – со злобой прорычал Фидайль и снова принялся шарить по дому.

«Раз люди говорят, значит, это правда, со стороны виднее», – в который раз подумал он. Шарипжан, которому только дай посмеяться над людьми, постоянно говорит ему: это не твой сын. А ведь поначалу Фидайлю казалось, что мальчик – точная его копия: и голова, и нос, и подбородок, и глаза – всё было таким же, как у него, Фидайля.

Вскоре он добрался до погреба, открыл крышку и, включив в подполе свет, свесился головой вниз, высматривая искомое по углам. Поняв, что сверху ничего не видно, он спустил ногу на лестницу, ведущую в подпол. Через мгновение раздался треск, грохот падающего тела и крик, похожий на рёв быка...

От треска и ужасного крика на весь дом мальчик оцепенел, ему даже показалось, что его влажная рубашка приклеилась к стене...

* * *

...То ли свекровь нашептала, то ли золовка, а может, кто-то посторонний пошутил, мол, «сынок твой совсем не похож на тебя!», но их неплохая, в общем-то, жизнь в какой-то момент дала трещину: Фидаиль начал устраивать скандалы, упрекая её в том, что ребёнок не от него. Выпивавший прежде изредка, муж вскоре взял за привычку почти каждый день напиваться. Прошёл счастливый период их жизни – и когда они ждали рождения сына, и когда их долгожданный комочек счастья – Васим – потопал ножками в одиннадцать месяцев, и когда они в годовалом возрасте провели ему суннат-обряд, и когда ребёнок подрос, достигнув трёхлетнего возраста, – за все эти годы Фидаиль ни разу не поднимал руку на жену. Но однажды он вдруг превратил это в одно из своих ежедневных занятий. Иногда, избив жену, он даже позволял себе пнуть её, лежащую без сил на полу.

Второго ребёнка Лейсира не смог родить, у неё случился выкидыш. Вердикт врача «У вас больше не может быть детей!» прозвучал для женщины как приговор, но муж на её переживания отреагировал равнодушно: «Эти нахлебники ещё никому богатства не принесли!»

...То и дело спотыкаясь в темноте, Лейсира вскоре выбралась на трассу Уфа-Казань.

Встав на обочине, она посмотрела вправо, потом влево. Зачем она пришла сюда? Она и сама не понимала. Женщина была готова брести туда, куда вели её ноги. Ей просто нужно было уйти подальше от деспота-мужа. Она была готова даже уйти от него навсегда, ведь ей нечего терять. Но нечего ли? Впрочем, тут, пожалуй, чёткого ответа не было. Она любила Фидаиля. Вышла за него по любви... Нет, любила в прошлом, а теперь всё кончено. У неё больше нет терпения. Надо уехать, куда-нибудь уехать!

В эти минуты её переполняли ярость и злоба по отношению к мужу, и она, за-

быв о существовании сына, готова была сбежать на край света и исчезнуть там навсегда...

* * *

Страшный крик Фидаиля стих так же внезапно, как и раздался. Теперь время от времени снизу был слышен лишь его стон.

Просидевший бесконечно долгое время в обнимку с ножкой стола и боявшийся даже дышать, пятилетний Васим, наконец, рискнул оторвать спину от стены.

Выбравшись на четвереньках из-под стола, он подошёл к отверстию в полу и посмотрел вниз: папа (его любимый папа!), с перекошенным от боли и заросшим щетиной лицом, лежал на земляном полу, съёжившись, словно от холода, и стонал. На нём и вокруг него валялись обломки и щепки сломанной лестницы. На его вылинявшей жёлтой рубашке виднелось красное пятно размером с коймак – оладушку.

Васим задумался, потом вспомнил про лестницу, которая стояла в курятнике (он забирался по ней на сенник и собирал там куриные яйца). Мальчик посмотрел вниз на отца, затем на дверь и, решившись, пошёл к выходу...

* * *

Васим! Сердце Лейсиры болезненно жалось. Она ведь чуть не забыла о своей кровиночке – любимом сыночке! Как можно забыть о ребёнке? Нет, Лейсира, ты не мать!

Женщина потопталась на месте, не зная, что делать. Если она вернётся с пустыми руками, то Фидаиль снова накинется с кулаками. И неизвестно, оставит ли её в живых на этот раз. Куда идти, где найти деньги? И как бы чего не случилось с Васимом, пока её нет. От обезумевшего мужика всего можно ожидать – он может поднять руку и на ребёнка. И так уж постоянно цепляется к нему: мол, не его он сын.

Проезжающие мимо машины сигнала-

лили ей. Женщина собиралась отойти подальше от дороги, когда возле неё, зашуршав шинами, остановился автомобиль.

– Давай садись, ночная дева! Отвезу, куда захочешь!

Лейсира бросилась бежать, не разбирая дороги, в обратную сторону – туда, откуда пришла. Споткнулась, с размаху упала, кувыркнулась и полетела в кювет.

Нет, ей нельзя прохладиться. Нужно встать! Нужно встать и бежать домой! Как бы чего не случилось с сыном! Сколько можно бояться! Надо вернуться, забрать ребёнка и уйти!

Она поднялась с земли, потёрла ушибленные колени и полезла вверх по склону...

* * *

Пыхтя и выбиваясь из сил, мальчик затащил лестницу в дом, с трудом спустил один её конец в подпол. Затем, прихватив со старой диван-кровати одну из двух подушек, почти ползком спустился вниз. Осторожно приподняв голову отца, подсунул под неё подушку. В это момент Фидаиль как-то пришёл в себя и посмотрел на Васима.

– Папа! Папочка! – воскликнул мальчик, глядя прямо в черёмухово-чёрные глаза отца. – Ты жив? Тебе больно? Мама скоро придёт...

Фидаиль чувствовал, что в его правое бедро и низ спины что-то воткнулось, но у него не было сил что-либо предпринять.

– Воды... – пробормотал он. И добавил: – Сынок!

Мальчик тут же полез по лестнице наверх...

* * *

Когда она вошла во двор, в доме и на крыльце ярко горел свет. Подойдя к окну, Лейсира немного постояла, прислушиваясь. В доме было тихо. «Спит, – решила она. – Как там Васим?»

«Каким образом попасть теперь в дом?» – подумала женщина и потянула дверь на себя. Чудеса да и только! Дверь открылась!

– Сынок! Васим!

Она спешно зашла в дом.

Внутри никого не было, только зиял открытый ход в подпол.

– Сынок!

Лейсира свесилась вниз:

– Сынок! Васим!

Приглядевшись, она замерла от удивления.

Сын – их с Фидаилем сын – спал, положив голову на грудь отца, и на его освящённом лампой лице играла улыбка.

Фидаиль, ласково поглаживавший сына по голове, словно только и ждал возвращения Лейсиры, тут же открыл глаза. Взгляды мужа и жены встретились...

Слёзы, струившиеся из глаз Фидаиля, стекали по его небритым щекам, и казалось, что конца им не будет.

Перевод с татарского
Гаухар Хасановой

